

ОКАЯНИЕ

Роман

И пошелъ Каинъ отъ лица Господня и поселился въ земле Нодъ, на востокъ отъ Едема.

И позналъ Каинъ жену свою; и она зачала и родила Еноха. И построилъ онъ городъ; и назвалъ городъ по имени сына своего; Енохъ.

У Еноха родился Ирадъ; Ирадъ родилъ Мехіаеля; Мехіаель родилъ Мафусала; Мафусаль родилъ Ламеха.

И взялъ себе Ламехъ две жены: имя одной: Ада, и имя второй: Цилла.

Ада родила Іавала: онъ былъ отецъ живущихъ въ шатрахъ со стадами.

Имя брату его Іуваль: онъ былъ отецъ всехъ играющихъ на гусяхъ и свирели.

Цилла также родила Тувалкаина, который былъ ковачемъ всехъ орудій изъ меди и железа. И сестра Тувалкаина Ноема.

КНИГА БЫТІЯ. ГЛАВА 4.

С чего начинается вкус жизни? Вкус, да, вкус! Это удивительно внятное восприятие плоти, с ее вяжуще-терпким запахом, с ее шершавой и упругой при прикосновении фактурой, с мятно-солоноватым ощущением во рту?.. У Сергея все пришло в госпитале. А вначале, когда он лицом, грудью, животом и всеми конечностями погрузился в плотный, горячий песок, просто остановилось время. Взрыв был неблизкий, но снизу, и ударная волна подкинула и вбила его в косой бархан. От удара остановилось сердце, и Сергей увидел покидаемую землю, а на ней свое, стремительно уменьшающееся, распластанное тело. Скрутившийся вокруг воздух уплотнился в какую-то бледную, полосатую трубу, и с нарастающим ускорением его потянуло вверх, в неизвестность. Куда это?.. Куда?.. Зачем?.. Не надо... Если бы можно было заорать, если бы можно было, растопырив руки и ноги, вцепиться, упереться в стенки этой трубы, чтобы остановить полет! Но... Где-то там, уже близко, был конец. И не только трубы. Там нужно будет отвечать, отвечать за добро и зло, за веру и предательство, за содеянное и за отложенное, реально случившееся и только выдуманное — за все свои девятнадцать с половиной бесплодных лет. И это было неправильно и несправедливо. Он же не знал, даже не задумывался, что придется вот так, совсем не готовым, отвечать. И Сергей беззвучно завопил: «Отче наш! Иже еси на небесах!..» Слова неведомо где и от кого услышанной молитвы бились рикошетом внутри его сознания, дребезжали в ушах, кололи глаза, губы, никак не находя себе выхода: «Да святится имя Твое... да будет воля Твоя!..» Движение немного замедлилось. «Хлеб наш насущный... хлеб...» — и больше он не помнил. Но — да, да! — он остановился, все же остановился в этой проклятой трубе. Наконец-то удалось выдавить, выжать, выбросить из себя настоящий звук: «Господи! Я все понял, все понял, Господи! Нужно любить! Любить, Господи! Дай мне, и я буду жить так, как надо, как достойно. Любить всех и все. Только дай мне, отпусти меня назад, Господи!» Странное металлическое эхо гремело в трубе. Немного повисев, Сергей начал тихо-тихо вращаться в обратную сторону. Это было возвращением. «Господи! Я все понял. Все. И я буду, буду любить всех. Всех. Только дай время. Дай мне время жить как надо».

Тело заныло, наполняясь нестерпимой болью, не отвечая на приказы и просьбы приподнять голову, перевернуться на спину. Но сквозь эту боль он явственно услышал винт. «Вертушка» шла на бреющем полете и, ныряя по-над расплавленными холмами, все ближе и ближе надвигалась с мурлыкающим рокотом и свистом. Она искала его. Его!

Почему он забыл, слишком скоро забыл свою клятву?

Вот потому все так и получилось...

ЧЕТВЕРТЬ ПЕРВАЯ. ВЕСНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Когда, после третьей пары, по Горького идешь к кинотеатру Маяковского, солнце бьет в спину, выталкивая из-под ног короткую фиолетовую тень. Улицу давно не чистили. Грязный, закопченный за зиму, снег на проезжей части раскис, просел и обнажил то, что далекие потомки назовут «культурным слоем». Интересно, почему именно «культурным»? Хороша же культура, нечего сказать. Бьемся, понимаешь, бьемся: «превратим», «достигнем!» И на субботах, и на воскресниках. Чтобы город, двор, дом, детсад — все стало «образцовой культурой». И даже магазин, вон, «культуртоваров», хотя «культ» — нечто не из этого ряда. А

результат? Все эти обрывки и окурки, пакеты, картонки и просто неведомые, безымянные клочки и клочки, как раз и окажутся самыми главными следами и основными свидетельствами всех нынешних достижений народного хозяйства. И из них потомки и про космос узнают, и про балет, и про обработку картофельных глазков лазером. А все археология-с, наука ковыряния в останках и остатках. Цивилизации ли, прогресса ли, пища. Интересно, но что же тогда археология может поведать нам о древней Греции? Если все изучать по отбросам: Диоген — бож, Аристотель — лизоблюд, а Сократ — нигилист... И кто только тогда в едином трудовом порыве создал могучую Элладу? Был же общественный труженик Пифагор! За что, правда, и поплатился. Стоп, стоп, стоп! Бог с ней, с Грецией, а почему в нашей-то, русской, литературе главный герой всегда «лишний человек»? «Чужой для всех, ничем не связан» — лирический циник и созерцательный пофигист, умный ли, добрый ли, но всегда тоже какой-то «отброс общества»? Гомер, по крайней мере, хотя бы про путешественников писал, а у нас, что у Пушкина, что у Достоевского, все подряд страдают от сплина и хандры, и даже гвоздя вбить не умеют, не то, чтобы Циклопу глаз вышибить. Точнее, не хотят. Вот, кабы по щучьему велению...

Девчонки и мальчонки, сегодня уже по-апрельски расстегнутые и распахнутые, игривой стайкой скакали далеко впереди, а Сергей все отставал и отставал. Все-таки сильно чувствовалась разница в возрасте. Они еще совсем не умеют «ловить мгновения». Эти звонкие, словно хлопки ладоней, ослепительно краткие мгновения, из которых, как из разноцветных, разнокалиберных бисеринок, помаленьку-помаленьку и выкладывается мозаика жизни. Почти все его сокурсники поступили сразу после школы, но даже не в этом дело. Инфантилизм. Интересы в пределах песочницы. А ведь почти все выше его ростом. Есть и взросленькие, только и они тоже какие-то приторможенные. Пантагрюэли... Прыгают, пихаются, как воробы на празднике. Воробьята. Птенцы гнезда Петровой. Это фамилия руководительницы курса. Только брызги и щебет. Прыг, прыг, прыг, — через миг скроются за поворотом. И «отряд не заметит потери бойца». Так скорее же! Одна только Ленка украдкой оглядывается. Ищет. Его. Весна же, товарищи, весна, чувств всем хочется. Что ж, нужно будет как-нибудь помурлыкать с ней вечером в репзале. Молодежь-то, она, молодежь. А вдруг?

Впрочем, Сергей и сам, поддавшись настроению первых оттепелей, уже неделю бегал по друзьям и знакомым с умыкнутой из читального зала новенькой книжкой Платонова. И, ломая всем трудовые и семейные планы, часами, взахлеб, читал вслух «Сокровенного человека» и «Старуху», заставляя терпеть свое ученическое несовершенство искусства декламации. Но попробовал бы кто выказать сопротивление! Эта, каким-то чудом изданная в каком-то неведомом Улан-Удэ, коричневая книжца буквально перевернула в нем все представления о возможностях языка. Нечто подобное случилось, в свое время, после стихов Заболоцкого, но там слишком много было смешливости, несерьезности, каламбура. А тут такая сила, и такая абсолютная точность эпитетов. Ммм... насыщающая... Но нет, это не просто точность описательного искусства. Здесь в самом процессе чтения неким, совершенно неведомым образом материализовалась фактура, достоверность жизни. И как же человек смог вот так, с помощью только одной информационной системы, пусть даже такой развитой, как речь, полноценно передать весь объем окружающего мира, всю осязаемую правду существования? От знакомых черных значков, обозначающих короткие или протяжные звуки, вокруг вдруг появлялись полуденные цвета, стекал пот по спине, запах ржавеющего железа и тоски щекотал ноздри. Складываемые из этих значков слова и предложения необъяснимым образом, но очень чувствительно обволакивали, обжимали упругой горячей силой и упрямо толкали в бездну. Как? Как это возможно? Еще шаг — и полет. Но ведь такое доступно только театру! Театру, с его единением в себе всех способов контакта: цвета, света, жеста, взгляда, речи и энергетики, сгенерированных неким гиперболоидом в жгучем фокусе сцены. А у Платонова все творилось одним только письмом. Потрясающе! И эти уроды столько лет не пускали его в печать. За что? За гениальность? Вот недавно мать получила в своем профкоме очередной талон на полное собрание сочинений. Собрание сочинений! И кого! Товарища Смелякова. Уж лучше бы на одну, но «Книгу о вкусной и здоровой пище». С цветными картинками сталинских времен. Так ее распределяет партком. И только своим, очень надежным, доказавшим способность достойно переварить самую жуткую антисоветчину. Берет такой проверенный товарищ месячные талоны на два кило пшенной крупы и пачку «бутербродного», с пузырьками оттаявшей воды, масла, открывает цветные иллюстрации и ... Неужели из-за Платонова советская власть закачается? Бред собачий.

Щелчком отослав окурочек подальше на проезжую часть, Сергей повернул назад, на Коммунистическую, где во вместительном полуподвале обитало племя дружественных художников.

В театральное училище Сергей отродясь не собирался. Стопроцентный академгородковский юноша с Цветного проезда, после школы он поступал в «мед». Отец помог, и его зачислили кандидатом. А иначе, без фатовых завязок, если ты не «блатной» и не из деревни, то вообще ловить было нечего: изначальный конкурс — семнадцать человек на место. Почто это народ с такой силой в медицину тянется? Ничего там интересного. Та же физика-химия. Весь понт только в белых халатах. Больше всего вуз от школы отличало только право открыто, не в рукав, курить. И постоянные мотания из старого учебного корпуса в новый лабораторный. Едва же из узких дверей аудитории белый, шумный поток, как паста из тюбика, выдавливался в коридор, как Сергею совершенно не хотелось ничего помнить и знать, кроме расширенных девичьих значков, обильного аромата польско-французских духов и совершенно непредсказуемых возможностей на

ближайший вечер. Вечер, где главное то, чем можно выделиться на фоне немногочисленных конкурентов. Уж не пятерками точно. И не комсомольской сознательностью... Вообще, что такое хорошая учеба? Конкретно в «меде»? У него вовсе не было проблем на обществоведении, в анатомке, или на молекулярной химии, но вот от латыни восторга он не испытывал никакого. Стрем был в том, что в своей спецшколе он как раз весьма неплохо усваивал усиленный английский. Даже на городских олимпиадах призы получал. От этого в нем и в окружающих жила убежденность в его врожденной способности к языкам. Просто немецкий не нравился. И вдруг именно латынь и заломала. Мертвый язык. Мертвее не бывает. Почему все бугорки и ямки на черепе нельзя заучить по-русски? И связки, сгибающие и разгибающие коленный сустав? Почему анатомия зубрилась живыми на языке мертвецов? Прямо на их проформалиненных членах: «arcus superciliaris», «sutura sagitalis» или «fascia thoracolumbalis». Кстати, интересно то, что как раз самые тупые «по жизни» все усваивали вовремя и в полном объеме, а у него навсегда в голове осела только портняжная мышца — «мускулюс сарториус». По музыкально-слуховой ассоциации: нечто среднее между санаторием и сортиром. Короче, еще каким-то чудом удалось перевалить во второе полугодие, но о дальнейшей учебе не было и речи.

Когда у тебя не вяжется в одном, какой смысл тянуть остальное? Сергей с нервным удовольствием остаток зимы проболтался по «медовским» и «ниижтовским» общагам, а весной пошел отдавать долг Советской Родине.

После дембеля родители опять попытались направить его судьбу по своему усмотрению. Но было уже поздно. Что-то в нем щелкнуло, что-то замкнулось, и Сергей теперь просто не мог быть ведомым. Теперь он сам мог себя водить. Так думалось, по крайней мере. Два года — не чих в подушку. Одна десятая жизни. А, если сознательной, то — четвертая. Да, к тому же, шесть месяцев в госпитале...

Для начала нужно было срочно прикинуться: старые, добрые, протертые «Levi's» сменить на что-нибудь посвежее. Клеши уже никто не носил. Взять под дудочки толстокожие сабо на деревянной платформе. И жеваную ветровку. И... самым первым делом требовалось обновить фонотеку. Подаренные ребятами в честь «освобождения» «Бони эМ» и «Смоки» проблемы не решали. Диско завоевывало мир, пускай, но он, в свое время, еще в школе, придумал себе любовь к классике. А за это время и Леннон, и Элтон Джон успели испечь по паре свежих блинов. И потом... Потом суп с котом. Все это было у фарцовщиков, на «толчке», но не на родительские же брать! У стариков от их цен только zenки бы выпали. А еще «Вега» выпустила совершенно клевою вертушку, с деревянной панелью, «02», не отличишь от импортной. Так что головняк достаточный.

Но! Самое тонкое было в другом. Все его одноклассники закончили по три курса, кое-кто уже и поджениться успел. И пусть никто ничего не качал, все улыбались, братались и балдели, но он сам теперь никак не мог уловить их новый ритм. Все стало как-то невпопад, все чуть-чуть, да мимо. Вот так сразу и не объяснишь. Дело было не в его короткой солдатской стрижке, не в случайных матах. А в чем?... Две недели свободы были просто прекрасны, но в очередное утро Сергей вдруг сообразил, что это он всякий раз звонит и договаривается о встречах. Только он. И еще один знак: девчонки. Они стали удивительно доброжелательны и чрезмерны в добром товариществе. Ни малейшего повода к ухаживанию. На дискотеке на его высоко закатанные рукава клеились только скво из «Ща»...

Что ж, главное вовремя понять. Чему-чему, а в автономном режиме армия жить научила. Сергей надел полосатую майку-тельняшку и пошел грузчиком на ликероводочный. Бригада там трудилась весьма забавная, чем-то напоминающая персонажей картины Репина «Приплыли». Бугор — действительно, огромный, заросший толстой, как конский волос, щетиной до самых глаз. И нужно было только сразу не испугаться густых наколок, чтобы разглядеть за звероподобной внешностью и расслышать за невоспроизводимой лексикой четкие внутренние установки на совершенную справедливость. Так вот и гильотина бывает абсолютно права. От Бугра во все стороны шли очень даже ощутимые силовые линии, как собачьи поводки от каюра. Все всегда было под его контролем. И поэтому бесконфликтно. Остальные трудящиеся почти все были немного отсидевшие, отвечающие «за базар» законники и не пьющие. Эта последняя черта являлась принципиально определяющей в их профессии. Выстраданной в результате естественного отбора. Действительно, когда через твои руки ежедневно проходят тысячи наполненных, закупоренных бутылок, то с другим представлением об отдыхе можно быстро сойти с ума. Нет, конечно же, мужики все-таки иногда западали. Но только в полноценный классический запой. Неделю, две — в усмерть, и узелок на полгода. Кто чаще, тот на выход. Был даже некий график: кому и когда. Чтобы производство не страдало.

За пару дней Сергей прошел курс молодого бойца и получил право смотреть на все изнутри. Наблюдать, так сказать, проявления индивидуальностей. «Нетянувших» срок было немного, и среди этих неблатнящихся фразеров сильно выделялся Витек. И не только тем, что не «фенил», но и внешне. «Геракл в засушенном виде», он был не просто маленький и худой, а совершенно до скелета иссохший и смуглый, как лесной муравей. Косоглазый заика, Витек все двадцать четыре часа в сутки находился на предельном взводе. Его прессовало все: и собственный рост, и вес, и что «один глаз на вас, второй на Кавказ». И невозможность быстро высказать свое мнение о тех, кто не был «укомплексован» до такой же степени, как он. Эдакий динамит с перманентно шипящим бикфордовым шнуром. Но Сергей сразу подглядел его тайну. В первый же вечер, в раздевалке, когда из Витькиной кабинки выпал дефицитный Ремарк. «Три товарища» через мгновение были прикрыты курткой, но это уже через мгновение. Нежное мясо агрессивного пупырчатого краба всегда и всем представлялось деликатесом, и Сергей тоже не смог отказать себе в удовольствии. И потом, чем он